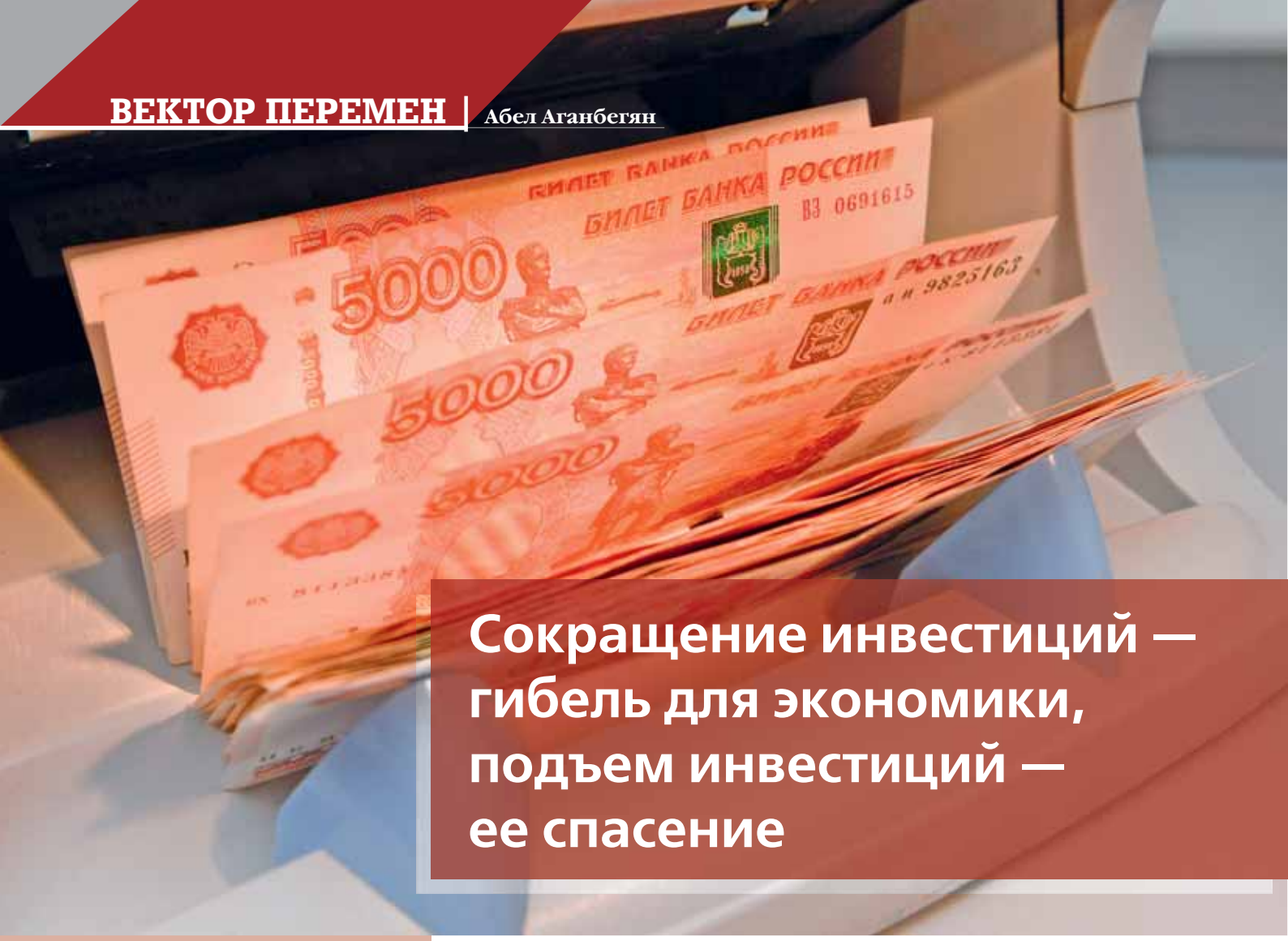


Сокращение инвестиций — гибель для экономики, подъем инвестиций — ее спасение

Аганбегян Абел Гезевич — заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН.

Окончание. Начало см. в № 4/2016, с. 74–83

Как видно (*рис. 2*), приток капитала в докризисные 2006–2007 гг. сменился его оттоком, и за 9 лет (2008–2016 гг.) из России утекло около 700 млрд долл. с пиками этого оттока в начале кризиса (минус 133 млрд долл.), в 2011 г. — году президентских выборов в России (80,5 млрд долл.) и в 2015 г. — году осуществления финансовых и секторальных санкций против России со стороны США и ЕЭС (151,5 млрд долл.). Вся сумма инвестиций в основные фонды в России в 2015 г. равнялась примерно 200 млрд долл. Так что отток капитала в 2014–2015 гг. даже превысил эту сумму.

Этот отток капитала в значительной мере был вызван неблагоприятными социально-экономическими условиями для осуществления инвестиций в нашей стране в сочетании с необходимостью в эти годы возвращать долги международным инвесторам — по 60–100 млрд долл. ежегодно. Большой внешнеэкономический долг России представлен на графике (*рис. 3*).

Как видно, после кризиса, в 2008–2009 гг., когда внешнеэкономический долг несколько сократился, предприятия и организации России заняли новые крупные суммы у зарубежных инвесторов, особенно в 2012 и 2013 гг., до вступления санкций, ограничивших доступ России к международному финансовому рынку. Ограничение доступа, наступившее в IV квартале 2014 г., привело к сокращению суммарного долга за 2014 и 2015 гг. на 190 млрд долл., поскольку за-

рубежные банки отказывались в сколь-нибудь значительных масштабах перекредитовывать это сокращение.

Столь значительный отток капитала, естественно, негативно повлиял на экономический рост страны, поскольку усилил дефицит недофинансирования этого роста. Особенно сильно это недофинансирование, как видно, оказалось связанным с санкциями США и ЕЭС против России по ограничению финансирования.

Такой дефицит финансирования экономического роста сильно увеличился в результате снижения экспортных цен на нефть и связанной с этим сильной девальвацией рубля по отношению к доллару и евро. Снижение экспортных цен на нефть началось с июля 2014 г., когда Саудовская Аравия и другие страны ОПЕК увеличили добычу нефти и создали ее избыток по сравнению со спросом для сдерживания добычи сланцевой нефти в США. Соединенные Штаты, как известно, являлись основным импортером нефти в мире — почти полумиллиардный импорт нефти в основном из Саудовской Аравии. Переход к новой технологии добычи нефти благодаря горизонтальному бурению и технологии гидравлического разрыва пласта при давлении в тысячу атмосфер позволил США за несколько лет на 170 млн т увеличить добычу нефти из низкопроницаемых твердых пород с крупными нефтяными запасами. Это чревато уменьшением объемов импорта из Саудовской Аравии и других стран ОПЕК с учетом новых возможностей дальнейшего увеличения добычи нефти и перехода США из категории «страна-импортер» в категорию «страна-экспортер» нефти.

Добыча нефти по новым технологиям, естественно, была дороже традиционной добычи. И Саудовская Аравия надеялась, что определенное снижение цен на нефть приведет к приостановке и сокращению добычи сланцевой нефти в США и, возможно, в других странах, что позволит странам ОПЕК сохранить монопольное положение на внешнеэкономическом рынке продажи нефти.

Переизбыток нефти на мировом рынке уже к концу 2014 г. опустил цену на нефть со 110–115 долл. за баррель до 55–60 долл. Но это мало сказалось на добыче сланцевой нефти. Поэтому Саудовская Аравия и ОПЕК продолжили свои усилия и ко второй половине в 2015 г. добились снижения цен на нефть до 35–40 долл. Это привело к сокращению добычи сланцевой нефти в США.

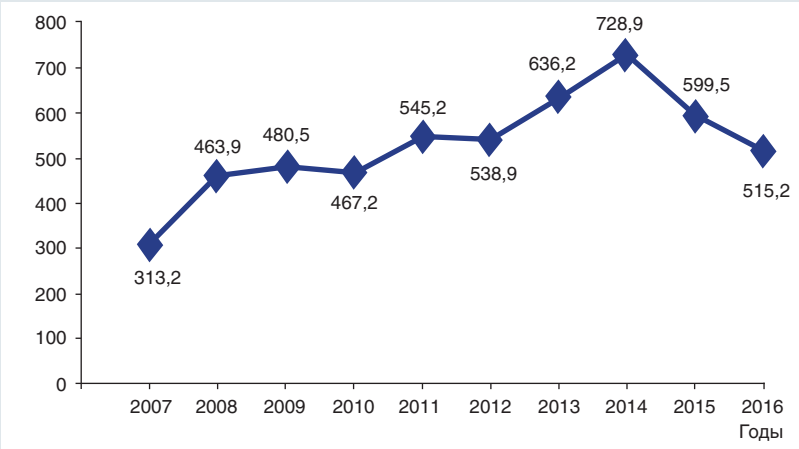
Цели Саудовской Аравии и стран ОПЕК в значительной мере были достигнуты. Поэтому в январе 2016 г. ряд нефтедобывающих стран поставил вопрос о временной заморозке максимально достигнутого ими уровня добычи нефти. Это даст возможность избежать дальнейшего падения цены на нефть и позволит удержать ее на уровне 40–50 долл. за баррель, что представляется достаточным для борьбы со сланцевой нефтью.

Рисунок 2

Сальдо притока и оттока капитала из России в 2006–2016 гг., млрд долл.

Рисунок 3

Внешнеэкономический долг России на начало 2008–2016 гг., млрд долл.



Дальнейшее снижение цен на нефть ухудшило бы экономическое положение Саудовской Аравии и других стран ОПЕК. Ведь сокращение цены на нефть до 35–40 долл. (что не могло быть компенсировано увеличением ее добычи) привело к росту дефицита бюджетов этих стран и необходимости дополнительных расходов из накопленных ранее золотовалютных резервов. В частности, в Саудовской Аравии дефицит госбюджета в 2015 г. вырос до рекордных 98 млрд долл. После объявления о решении заморозить добычу нефти, к которому присоединились 12 стран, добывающих нефть, включая Россию, цена на нефть возросла на 5–15 долл. и стала колебаться в пределах 40–50 долл. за баррель.

Нельзя полностью исключить риск падения цены на нефть ниже 40 долл. Неясны и пределы возможного повышения цен на нефть при заморозке объемов ее добычи.

Вместе с тем положение на рынке нефти остается неопределенным. С одной стороны, снятие санкций с Ирана позволило ему за несколько месяцев нарастить добычу нефти до 3,1 млн баррелей в день и развернуть широкую продажу этой нефти на мировом рынке. Руководители Саудовской Аравии тоже стали говорить о том, что и они не заморозят добычу нефти, чтобы не потерять свою долю на мировом рынке.

С другой стороны, США удалось усовершенствовать и удешевить технологию добычи сланцевой нефти, и они готовы при нынешней цене на нефть возобновить ее добычу и уже ввели в эксплуатацию первые буровые. Поэтому нельзя полностью исключить риск падения цены на нефть ниже 40 долл. Неясны и пределы возможного повышения цен на нефть при заморозке объемов ее добычи.

Такое снижение цен на нефть крайне негативно сказалось на экономическом росте России. Во-первых, в 2015 г. на 180 млрд долл. сократился объем экспорта, который почти наполовину определял объем бюджета страны. В 2015 г. до 1,3% ВВП (986 млрд руб.) вырос дефицит федерального бюджета. В 2016 г. он ожидается в размере 3,3% ВВП. И это при реальном сокращении расходов федерального бюджета, что существенно снизило динамику экономического и социального развития РФ.

Снижение цен на нефть, как констатировало агентство Bloomberg, на 82% определяет валютный курс рубля по отношению к доллару. Так что максимальное сокращение цены на нефть в 3 раза привело к падению валютного курса рубля по отношению к доллару примерно в 2,5 раза — с 31 до 75 руб.

Девальвация рубля существенно затруднила выплату внешнеэкономических долгов предприятий и организаций, которые продают свои товары на внутреннем рынке в рублях. Внешние долги в рублях подорожали в 2–2,5 раза. К тому же резко подорожал импорт, в том числе приобретение машин и оборудования, занимающих почти половину его объема. Резко ухудшилось и положение нашей химической промышленности, поскольку доля химических продуктов в импорте превысила продовольственный импорт и составила почти 20%. Подорожание продовольственного импорта явилось главной причиной роста продовольственных цен почти на 20% в 2015 г., несмотря на неплохой урожай 2014 г., что привело к снижению реальных объемов товарооборота и конечного потребления домашних хозяйств. Это тоже потянуло экономику вниз.

В основном из-за столь сильной девальвации рубля годовая инфляция потребительских цен в России в 2015 г. выросла до 15,5%, что втрое выше уровня инфляции 2012 г. (5,1%) и вдвое уровня инфляции 2014 г. (7,8%).

Такой рост цен, причем не только потребительских, но и производственных (они увеличились на 12,4%), вызвал повышение ключевой ставки Центрального банка до 17% (в 2012 г. она

была равна 5,5%). Столь сильное повышение ставки ЦБ было не только связано со взлетом инфляции к концу 2014 г., но и являлось мерой, противодействующей чрезмерной девальвации рубля, имевшей место в конце 2014 г. И хотя затем ключевая ставка Центрального банка снизилась до 11%, ссудный процент выдаваемых предприятиям и организациям кредитов в среднем колебался около 15%, а для малого и среднего бизнеса составил более 20%, что усугубило дефицит привлечения финансовых средств, необходимых для экономического роста.

Так что не только и даже не столько валютный курс рубля и небывалая в последние десятилетия инфляция стали барьерами экономического развития. Высокая ключевая ставка ЦБ и предельно высокий ссудный процент явились одним из главных тормозов экономического и социального развития страны.

Введение санкций против России в связи с присоединением Крыма и событиями на Украине, значительное снижение экспортных цен на нефть и связанная с этим девальвация рубля, кратный рост инфляции и ключевой ставки ЦБ — эти негативные факторы вкупе с сокращением госинвестиций, оттоком капитала, прогрессирующим устареванием и отсталостью основных фондов, прежде всего машин и оборудования, вызвали переход от стагнации нашей экономики в 2013–2014 гг. к рецессии, то есть к падению основных экономических и социальных показателей — к кризису.

Кризис 2015–2016 гг. коренным образом отличается от кризиса 2008–2009 гг., так как не является цикличным кризисом или частью глобального кризиса в мире (РФ стала практически единственной страной, где сложилась такая специфическая кризисная ситуация). Это прежде всего структурный кризис, связанный с изменением условий и факторов экономического роста в России.

Можно задать гипотетический вопрос. Каким было бы социально-экономическое развитие в отсутствие санкций, снижения цен на нефть, девальвации рубля, роста инфляции и ключевой ставки ЦБ?

Как мы знаем, стагнация началась в 2013 г. и резко усугубилась в начале 2014 г. еще до введения санкций и снижения цен на нефть. Причем действие факторов, которые в это время тянули экономику вниз, — сокращение инвестиций, отток капитала, прогрессирующая отсталость основных фондов и технологий, машин и оборудования, уродливая структура нашей экономики, чрезмерно зависящей от экспорта топливно-энергетических и сырьевых отраслей, — с каждым кварталом усиливалось. Как нам представляется, в конце концов они довели бы нашу экономику до рецессии. Но эта рецессия, естественно, не была бы такой глубокой, как нынешняя, обусловленная кроме прочего санкциями и снижением цен на нефть.

Что же произошло на самом деле в ходе рецессии 2015–2016 гг.? Экономические показатели сократились в 2 раза по сравнению с кризисом 2008–2009 гг. ВВП в 2015 г. снизился на 3,7%, а в 2016 г., возможно, снизится еще на 1–2%. Объем промышленного производства снизился на 3,4%, в период кризиса 2008–2009 гг. сокращение было втрое больше (10,8%). Инвестиции и строительство в 2015–2016 гг. снижены примерно в тех же размерах, как и в кризис 2008–2009 гг., — на 14–16%. При этом в 2015 г. совсем не снизился грузооборот транспорта — он остановился около нуля, в то время как в 2008–2009 гг. грузооборот сократился на 10%.

Хотя снижение ВВП и промышленности в ходе рецессии 2015–2016 гг. было вдвое меньше, чем в кризис 2008–2009 гг., доходы и потребление населения, главные показатели уровня жизни людей, сократились в 2–3 раза сильнее: конечное потребление домашних хозяйств уменьшилось на 10,5%, розничный товарооборот снизился на 10, реальная зарплата — на 9,5, реальные доходы дополнительно снижаются в 2016 г. еще по 5%. А в период кризиса 2008–2009 гг. товарооборот снизился всего на 5,5%, конечное потребление домашних хозяйств — на 5,1%, а уровень реальных доходов и реальной зарплаты даже немного вырос. В 2008–2009 гг. реальные доходы пенсионеров возросли, так как правительство выполнило свое обещание, и пенсии были существенно проиндексированы.

В период же нынешней рецессии реальные доходы пенсионеров снизились на 4%. И в 2016 г. еще снизятся в связи с тем, что принято решение индексировать пенсии всего на 4%, то есть существенно меньше инфляции.

Заметим, что 10-процентное сокращение конечного потребления домашних хозяйств, розничного товарооборота и реальной зарплаты является рекордным для России за последние 20 лет. Даже в кризис 1998–1999 гг. конечное потребление домашних хозяйств сократилось на меньшую величину.

2016 г. является годом продолжения рецессии. Если обобщить мнения экспертов, то в 2016 г. ВВП и промышленность снизятся в пределах 1%, инвестиции и строительство — на 4–5, реальные доходы и розничный товарооборот — на 5–6, инфляция составит около 7%.

Больше всего продолжают снижаться реальные доходы в июле. Во II квартале 2016 г. ВВП снизился на 0,6% по сравнению с соответствующим периодом 2015 г., а в сравнении с 2014 г., учитывая падение ВВП во II квартале 2015 г. на 4,6%, они снизились на 5,1%.

Большинство экспертов полагает, что 2017 г. будет годом стагнации с нулевым ростом. Если действующие тенденции сохранятся, то стагнация скорее всего продлится до 2020 г. Ее основной причиной будет снижение инвестиций в 2013–2016 гг. и связанный с этим низкий ввод в действие новых основных фондов в 2017–2020 гг.

Перспективы и возможности преодоления рецессии и стагнации

Анализ причин, условий и факторов возникновения стагнации и рецессии в России позволил сделать вывод о том, что главная причина — снижение инвестиций в основные фонды и сокращение вложений в человеческий капитал. При этом частные вложения в основные фонды увеличились на 10%, а государственные инвестиции за 2014–2016 гг. сократились на 30%. Ведь именно они в принципе являются главными источниками социально-экономического роста.

Если это так, то, чтобы выйти из состояния стагнации и рецессии, нужно перейти к форсированному росту инвестиций и в основные фонды, и в человека. Под форсированными инвестициями мы понимаем ежегодный рост инвестиций в размере 8–10%. Если обеспечить такой рост инвестиций, то к 2020 г. доля инвестиций в основные фонды в ВВП поднимется с 18% (в 2015 г.) до 23%, а к 2025 г. — до 30%.

При доле инвестиций в 18% в нормальных условиях за счет внутренних ресурсов возможен ежегодный рост ВВП до 1%. При доле инвестиций в ВВП 23% его ежегодный рост составит до 3%, а при 30% — до 5%. Эту зависимость легко вывести, если распределить страны по доле инвестиций в основной капитал в ВВП и проанализировать темпы их социально-экономического развития за относительно продолжительный период (10 лет и больше).

В Европе, Азии и Латинской Америке можно найти примерно 15 стран, которые при повышении нормы инвестиций с 20 до 30% обеспечивали устойчивый рост экономики по 6% в год и более. Среди них есть страны, повышавшие норму инвестиций до 40% и более. Они добились среднегодового устойчивого роста экономики по 7–10% в год. Речь идет о развитии после Второй мировой войны таких стран, как Германия, Италия, Испания, Португалия, Ирландия, Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Китай, Малайзия, а также о развитии в 1970-е годы Бразилии, Аргентины, Венесуэлы, Мексики. Подробно эти вопросы рассматриваются в книге под редакцией Я.М. Миркина «Финансовая стратегия модернизации экономики: мировая практика» [1].

Предположим, что в РФ применительно к условиям 2015 г. доля инвестиций была бы не 18%, или немногим более 14 трлн руб., а 30% — 24 трлн руб. Дополнительные 10 трлн руб. следовало бы распределить следующим образом.

Во-первых, 2 трлн руб. инвестиций направить в основные фонды для технологического обновления действующего

производства с таким расчетом, чтобы за 15 лет обновить народное хозяйство и заменить до 70% основных фондов на новые фонды со средним износом 25–30% и со средним сроком службы машин и оборудования 7 лет.

Основное вложение средств потребуется для технологического обновления энергетики с целью повышения КПД электростанций и котельных в 1,5–2 раза при энергосбережении по отношению к ВВП в 2 раза и повышении надежности энергоснабжения.

Еще одна крупная сумма должна быть направлена на коренное техническое переоснащение подавляющего большинства действующих машиностроительных предприятий. Исключение здесь могут составить новые предприятия в автомобилестроении и технически обновленные предприятия в энерго- и электромашиностроении.

Нам предстоит завершить технологическое обновление нефтепереработки с доведением в среднем выхода светлых нефтепродуктов до 90% и выше вместо нынешних 75%, а также большинства предприятий химической и целлюлозно-бумажной промышленности.

Полностью должно быть технологически обновлено подавляющее большинство предприятий легкой промышленности: текстильной, швейной, обувной и др.

Коренная технологическая реконструкция требуется на транспорте — обновление почти всей имеющейся техники, замена существующих трубопроводов и т.п. Из отсталых отраслей выделим еще жилищно-коммунальную сферу.

С 2006 г. начала интенсивно проводиться модернизация российского здравоохранения, но она не была закончена, технологическое обновление было осуществлено примерно на одну треть. Так что две трети этой работы еще предстоит выполнить.

В той или иной мере в технологическом обновлении и модернизации нуждаются все отрасли и сферы отечественной экономики. Мы же отметили только самые отстающие, требующие, пожалуй, наибольших вложений.

Срок окупаемости технологического обновления действующих производств обычно составляет 5–7 лет. Это наиболее окупаемые и поэтому первоочередные объекты, дающие наибольшую эффективность. Тем более что эти объекты уже обеспечены высококвалифицированными кадрами, правда, требующими серьезной переподготовки и повышения квалификации на базе новой технологии и техники.

Высокая ключевая ставка ЦБ и предельно высокий ссудный процент явились одним из главных тормозов экономического и социального развития страны.

Во-вторых, 3 трлн руб. следовало бы вложить в создание новых производственных мощностей, в том числе новых предприятий для производства готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, прежде всего в отраслях, где в России существуют лучшие условия для развития таких производств, нацеленных не только на внутренний рынок, но и на экспорт. В первую очередь необходимо всемерно развивать нефтехимию и производство синтетических материалов и изделий из них. Это первоочередная задача, так как грядет новая синтетическая революция, когда синтетические материалы в массовом порядке начнут заменять сначала цветные металлы, а потом и высококачественную сталь.

Еще одна важнейшая отрасль — глубокая переработка древесины, доведенная до изготовления конечной продукции, учитывая, что Россию окружают страны, не имеющие лесных ресурсов, — Япония, Китай, республики Средней Азии, Казахстан, государства Южной Европы и др.

В России есть большой задел для развития энерго- и электромашиностроения — и в виде производственных мощностей и изготавливаемой продукции, и в виде инженерно-конструкторских и научных подразделений. В первую очередь крайне важно кратное развитие этой отрасли, для того чтобы на ее базе реорганизовать всю отечественную энергетику, в то же время оставляя резерв для значительного расширения экспортных поставок ее продукции.

Серьезные усилия предстоит приложить, чтобы со временем выйти на производство 4 млн автомобилей и сполна обеспечить потребность в них собственного населения и населения ряда сопредельных стран. Речь идет не только о развитии сборочных производств, основа которых уже создана в России, а о подтягивании тылов, локализации автомобильного производства в стране.

Быстрее всего в перспективе предстоит развивать высокотехнологические отрасли, в которых особенно нуждается экономика нашей страны и которые могут использоваться для экспорта. Речь идет о возрожде-

Крупнейшим внутренним ресурсом, который мог бы дать не менее половины всех необходимых дополнительных инвестиций, являются активы российских банков.

нии самолетостроения, в основном среднемагистрального, регионального и местного для собственных нужд, при увеличивающемся экспорте и о создании самых мощных в мире самолетов для перевозки грузов — каргоавиации на базе АН-125 и новых образцов такой техники, учитывая опыт создания флагманских самолетов «Мрия». Россия могла бы начать и производство сначала экспериментальных, а потом и серийных сверхзвуковых пассажирских самолетов и самолетов бизнес-класса. Необходимо всемерно развивать вертолетостроение.

Из высокотехнологичных отраслей, кроме самолетостроения, особое внимание следует уделить судостроению, созданию современной фармацевтической промышленности, возрождению отечественной электроники, офшорному и внутреннему программированию, дальнейшему развитию атомной и космической техники. Здесь следует использовать все имеющиеся и возникающие достижения оборонной промышленности, пытаясь и эту сферу превратить в драйвер экономического роста страны.

Средний срок окупаемости инвестиций в создание подобных производственных мощностей может составить 10–12 лет.

В-третьих, 2,5 трлн руб. ежегодно целесообразно вкладывать в создание современной транспортно-логистической инфраструктуры. Прежде всего следует перейти к массовому строительству двусторонних скоростных автодорог и специально выделенных линий скоростных железных дорог. При этом надо ориентироваться не только на Францию — образцовую в этой области страну мира, но также на опыт Японии, а особенно Китая, который в последнее время, как известно, построил более 15 тыс. км скоростных железных дорог. Сотрудничество с КНР в этой сфере может быть весьма плодотворным. Создание транспортно-логистической инфраструктуры также целесообразно проводить с учетом сроков окупаемости, которые, как свидетельствует практика развитых стран, могут составить 20–25 лет.

В-четвертых, 2 трлн руб. целесообразно направить в жилищное строительство и связанные с ним отрасли и сферы (коммунальное хозяйство, бытовые и торговые заведения, социальные объекты и инфраструктура). Чтобы со временем достичь уровня развитых стран, нужно удвоить, а со временем и утроить объем жилищного строительства. Это потребует значительного привлечения средств даже в случае удешевления жилья и перехода преимущественно на строительство малоэтажных домов типа коттеджей, таунхаусов, трехэтажных квартирных домов.

В-пятых, 1 трлн руб. ежегодно следовало бы вкладывать в сферу «экономики знаний». Речь идет о приумножении основных фондов в этой сфере. В то же время она нуждается в крупных вложениях в текущее финансирование, прежде всего нацеленное на образование, оплату труда, повышение квалификации персонала и другие текущие нужды (например, на лекарственное обеспечение здравоохранения). Размер дополнительных текущих вложений применительно к условиям 2015 г. мы оцениваем в 1,5–2 трлн руб. в год.

Размер необходимых средств подсчитан таким образом, чтобы за 15 лет, как говорилось выше, в основном завершить технологическое обновление действующего производства и перейти к постоянному и устойчивому режиму поддержания высокого уровня технологий и оборудования в соответствии с международными требованиями и практикой развитых стран. Также за 15 лет предлагается за счет быстрого подъема производства готовой продукции с высокой добавленной стоимостью в различных областях (с креном в приоритетное развитие высокотехнологических и инновационных отраслей) коренным образом преобразовать структуру народного хозяйства, сократив чрезмерную зависимость экономики РФ от развития топливно-энергетических и сырьевых отраслей, существенно снизив их удельный вес в производстве ВВП и в формировании финансов страны. Коренным образом должна быть изменена и структура экспорта — удельный вес топливно-энергетических и сырьевых товаров, полуфабрикатов и материалов должен быть снижен с 85 до 40%, а удельный вес топливно-энергетических отраслей — с 70% в прошлом, до снижения цен на нефть, до 20–25% в будущем. Таким образом экономика России «слезет с нефтяной иглы», а валютный курс освободится от сильного влияния динамики нефтяных цен.

За те же 15 лет намечено в значительной мере преодолеть отставание страны в развитии транспорта, создав костяк современной транспортно-логи-

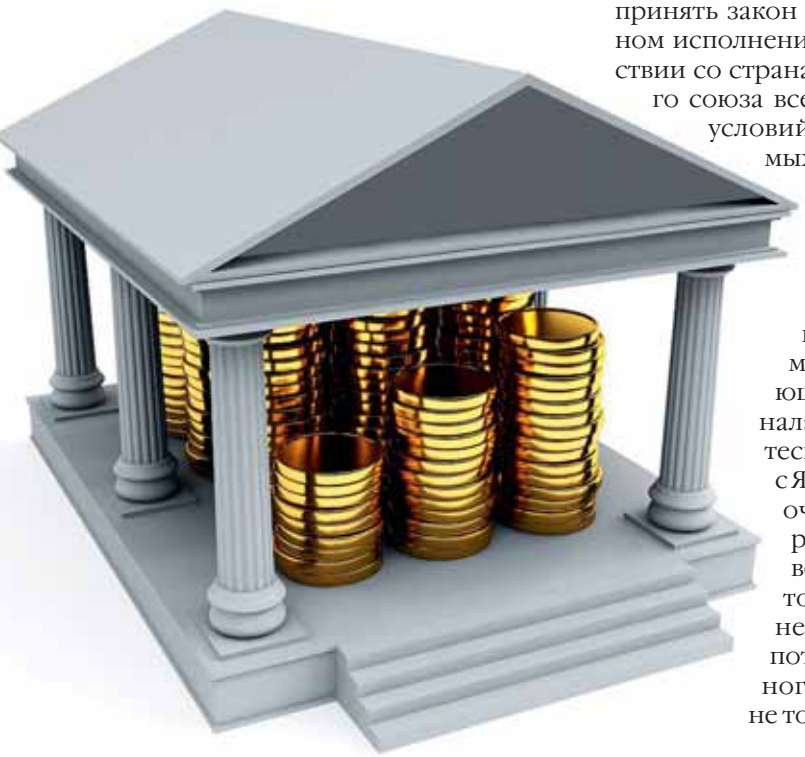
стической инфраструктуры. За 15 лет по обеспеченности комфортным жильем мы сможем превзойти барьер в 30 м^2 на душу населения, вплотную приблизившись к уровню развитых стран.

Что касается «экономики знаний», то ее доля в ВВП с 15% в настоящее время при таких инвестициях и вложениях к 2020 г. может вырасти до 20%, к 2025 г. — до 30%, а к 2030 г. — до 40%.

Одним из центральных в плане перехода к политике форсированных инвестиций в основные фонды и вложений в человеческий капитал является вопрос об источниках средств на эти цели внутри страны.

Сразу оговорюсь, что в такой большой стране, как Россия, основные источники финансирования развития могут быть только внутренними, а зарубежные источники всегда будут играть важную, но подчиненную роль. Конечно, нужно всемерно использовать возможности мирового финансового рынка, проводя политику «финансового форсажа», как это делали все без исключения страны. Достаточно вспомнить План Маршалла, обеспечивший послевоенное возрождение Западной Европы, или огромный приток иностранного капитала в Китай в период его форсированного развития начиная с 1980 г.

Исходя из этого крайне важно как можно скорее нормализовать экономические отношения прежде всего с Европейским союзом и Японией, пойдя, если нужно, на определенные, приемлемые для нас уступки. И хорошо бы нам первыми проявить инициативу и заинтересованность в улучшении делового климата. Если говорить о Западной Европе, то, делая первый шаг навстречу, мы могли бы выступить с инициативой отмены антисанкций. Россия получит от этого больше преимуществ, усилив конкурентную среду, получив дополнительный рычаг антиинфляционной политики, повысив качество продукции, потребляемой гражданами страны. Другая мера — принять закон о неукоснительном исполнении во взаимодействии со странами Европейского союза всех нормативных условий, устанавливаемых в Европе, включая нормативы по энергопакету.



Целесообразно также продумать соответствующие уступки для налаживания более тесных отношений с Японией в первую очередь с целью развития наших восточных территорий. При этом нельзя допустить потери национального суверенитета не только по отношению к Японии, но и по отношению к Китаю. Речь кроме прочего идет о месторождениях полезных ископаемых, являющихся собственностью РФ.

Нормализация отношений, возможно, позволит нам получать из-за рубежа до 20% всех средств, необходимых для модернизации и индустриализации страны. Во главу угла должно быть поставлено привлечение новых технологий, вовлечение российских кадров в совместную работу, в процессе которой они смогут получить новые знания и навыки. Нужно значительно расширить научно-техническое сотрудничество и организовать массовое обучение российских кадров за рубежом при условии эффективного взаимовыгодного использования этих специалистов в нашей стране.

Но все же главными источниками форсированного финансирования, прежде всего инвестиционного, являются наши внутренние ресурсы.

Крупнейшим внутренним ресурсом, который мог бы дать не менее половины всех необходимых дополнительных инвестиций, являются активы российских банков. Недавно они впервые превзошли ВВП страны и сейчас составляют 83 трлн руб., а инвестиционный кредит, как говорилось, равен 1,1 трлн руб., то есть составляет всего 1,2% от суммы этих активов в составе всех инвестиций страны.

Если поставить задачу (применительно к 2015 г.) половину необходимых средств для новых инвестиций в основные фонды получить за счет инвестиционного кредита отечественных банков, то надо, чтобы эти инвестиционные кредиты составляли хотя бы 5% от суммы активов, или 10–15% от объема всех кредитов. Предстоит превратить относительно небольшую часть «коротких» денег в составе бан-

ковских активов в «длинные» деньги, используемые в качестве инвестиционного кредита. Для этого, как известно, в развитых странах используется достаточно простой прием.

Поскольку государственный бюджет в этих странах, как правило, дефицитный (составляет около 3% ВВП), то для его покрытия казначейство выпускает государственные боны по низкой процентной ставке, которые покупают Центральный банк и крупные финансовые фонды, правительственные и частные. Центральный банк и правительственные фонды, имея в своих пассивах ценные государственные бумаги длительного срока, под их залог смогут предоставлять, прибавляя небольшую маржу, инвестиционные кредиты надежным коммерческим банкам на различные цели.

Казначейство США выпускает такие боны на срок до 40 лет, а в Японии они выпускаются на срок до 50 лет. Нам сегодня достаточно выпускать их на срок до 25 лет, поскольку именно на такой срок намечено предоставлять самые длинные инвестиционные кредиты на создание крупных инфраструктурных объектов. Например, в 2016 г. можно было бы выпустить казначейские бумаги под 3% годовых, что не только даст казначейству возможность возместить дефицит российского бюджета в размере 2 трлн руб., но и позволит получить дополнительные средства. Кстати, это выгоднее, чем размещать свои золотовалютные резервы в бонах, покупаемых у других стран, прежде всего у США, как делают наши госорганы. Из 2 трлн руб. Центральный банк, например, мог бы купить 1,5 трлн на срок от 5 до 25 лет. В залог этих ценных бумаг он сможет, прибавив небольшую маржу, например 0,5%, под 3,5% годовых, предоставлять инвестиционные кредиты проверенным, надежным, достаточно крупным банкам, установив предельную маржу для банков, по которой они должны будут предоставлять кредиты предприятиям (скажем, 1,5–2%) с тем, чтобы не было необоснованного обогащения и проблем

с окупаемостью этих кредитов. В результате банки могут выдавать такие кредиты предприятиям под 5 или 5,5% годовых на 5–7 лет для технологического обновления действующих производств. По линии проектного финансирования (без залога) средства могут выдаваться на 10–12 лет на строительство новых предприятий и на 20–25 лет на строительство автомагистралей или скоростных железных дорог.

Естественно, должна быть установлена повышенная ответственность за эффективное использование и возвращение

таких кредитов в срок при жестком контроле и со стороны коммерческих банков, и со стороны Центрального банка, и со стороны государства.

Подобные кредиты может выдавать не только Центральный банк, но и от имени правительства Внешэкономбанк, а также Агентство по ипотечному кредитованию.

Если по реальным доходам на душу населения Россия занимает примерно 50-е место в мире, то по уровню жизни пенсионеров — 97-е.

Крупному, надежному коммерческому банку крайне выгоден большой многомиллиардный кредит «длинных» денег, повышающий потенциал и значимость банка. Можно дополнительно заинтересовать банки в этом кредите, предоставив им определенные льготы со стороны Центрального банка, или возможность размещения у них средств госучреждений и т.д.

У коммерческого банка имеются огромные возможности эффективного использования такого кредита: он может помочь предприятию грамотно составить бизнес-план, правильно рассчитать эффективность и сроки возврата кредита. Как более опытный партнер, банк может помочь предприятию в переговорах с фирмой, поставляющей оборудование для его технологического обновления. Причем деньги он будет перечислять прямо этой фирме, минуя счет предприятия, который может быть обременен какими-то другими обязательствами. Предприятие и банк будут заинтересованы в оптимальном использовании кредита, поэтому они, естественно, договорятся об обучении работников на новом оборудовании, об участии фирмы в его освоении. Если надо построить новые здания или сооружения для предприятия, банк может напрямую возмещать затраты организации на строительство в зависимости от объема выполненных работ.

Постепенно инвестиционный кредит, на наш взгляд, должен стать основным средством инвестиций, поскольку он обладает важнейшим качеством — возвратностью, что предполагает эффективное его использование по прямому назначению. Поскольку такие инвестиционные кредиты составят 10%, максимум 15% от общих средств крупных банков, им нет никакого смысла использовать эти средства на другие, более рискованные цели, неэффективно распоряжаться этими кредитами, присваивать их, переводить в офшор или не возвращать. В противном случае банк рискует обанкротиться и лишиться лицензии, то есть он потеряет в разы больше средств, чем присвоит, что крайне невыгодно. Я уже не говорю об уголовной и другой ответственности, которая в этом случае наступает.

Ведь подавляющая часть коррупционных сделок, случаев хищения, непрофильного или просто неэффективного использования средств из-за безответственности происходит не с кредитами, предоставляемыми банкам международными или государственными организациями. Как правило, эти деньги возвращаются. Обычно ненадлежащим образом используются безвозвратные средства, предоставляемые юридическим лицам или из бюджета, или в виде льгот, авансов и т.п.

Что касается относительно крупных целевых кредитов, то маловероятно их нецелевое использование. Все они могут быть под индивидуальным контролем, выдаются под бизнес-план и имеют жесткие сроки прохождения и окупаемости, что легко контролируется. К тому же значительная часть этих средств не размещается на счетах кредитора, а направляется его поставщикам, строителям и т.д.

Кроме банковских активов важным источником дополнительных инвестиций на возвратных условиях может стать часть золотовалютных резервов страны, сегодня составляющих около 390 млрд долл. Можно будет брать из этих резервов по 30 млрд долл. в год для использования в качестве инвестиционного кредита, предоставляемого на 5–7 лет. Речь идет не только о технологическом обновлении действующего производства, но и о жилищном и торгово-бытовом строительстве, обо всем том, что окупается в течение 5–7 лет. До 200 млрд долл. золотовалютных резервов следует сохранить неприкосновенными, а остальные средства можно использовать для целевого кредитования с относительно коротким сроком окупаемости. 30 млрд долл. ежегодно — это 2 трлн руб. в год, которые позволили бы, например, решить проблему дополнительного жилищного строительства в России.

Как известно, с 2016 г. начинается большая правительственная программа по приватизации госимущества. Ее хотят начать с приватизации «Роснефти». Если приватизация будет проведена успешно, как это было в Москве, когда пришел новый мэр С.С. Собянин, то можно будет получить до 1 трлн руб. дополнительных средств в год. Средства можно было бы направить на дополнительное финансирование «экономики знаний».

На дополнительные инвестиции можно было бы мобилизовать также средства предприятий и организаций, которые сейчас составляют около 55% всех источников инвестиций в стране. Эти инвестиции более чем наполовину состоят из амортизационных средств и несколько меньше половины — из прибыли. Можно было бы сократить сроки амортизации, что будет коррелировать с нашим желанием технологически обновить и сократить сроки службы оборудования. В связи с этим можно было бы перейти на принятые на Западе методы ускоренной амортизации. Это могло бы значительно увеличить сумму амортизационных отчислений, а значит, и сумму инвестиций.

С другой стороны, ту часть инвестиций, которая идет из прибыли, можно было бы освободить от налогообложения на прибыль. Это бы стимулировало предприятия больше инвестировать. В 2015 г. сумма прибыли предприятий и организаций нашей страны за вычетом убытков составила 8,5 трлн руб. — на 2,4 трлн руб. больше, чем в 2014 г. Если бы были сильные стимулы, предприятия могли бы значительную часть этих дополнительных средств направить на инвестирование. Недавно Президент РФ В.В. Путин предложил ввести меры стимулирования для предприятий, если они осуществляют инвестиции. Вышеназванная мера могла бы способствовать осуществлению этого предложения президента. За счет всех предприятий и организаций страны можно было бы сформировать не 8 трлн инвестиций, как сегодня, а 9–10 трлн.

Серьезным источником дополнительных средств, прежде всего на строительство жилья, производство автомобилей и обустройство приусадебных участков, то есть всего того, в чем остро нуждаются наши граждане, могут быть сбережения населения РФ, составляющие 30 трлн руб., в том числе 25 трлн руб. на банковских депозитах и, по оценкам, около 700 млрд долл. в активах за рубежом (без оценки приобретенной недвижимости). Можно было бы выпустить для населения выгодный государственный облигационный заем. Если семья приобретет определенную часть этого займа, то есть даст средства на инвестирование в соответствующую область — жилищное строительство, автомобилестроение и иную, то под гарантии государства этой семье можно было бы предоставить дополнительное жилье или интересующий ее автомобиль, или земельный участок со скидкой. Людям будет выгодно использовать свои средства для экономического развития страны. Использование на эти цели 5–10% сбережений населения позволит больше чем наполовину обеспечить упомянутые сферы деятельности необходимыми инвестициями на 10 лет.

Нам к 2025 г. хорошо бы сократить разрыв между богатыми и бедными до 10 раз.

Последний возможный источник инвестиций — это заемные средства, которые РФ может получить от международных финансовых и банковских организаций, от отдельных стран, имеющих значительные накопления, и от других крупных зарубежных инвесторов. Надо учесть, что наше государство одно из немногих в мире, чей внешнеэкономический долг минимален — менее 3% ВВП (всего 38 млрд долл.). Для сравнения: у европейских стран долги в среднем составляют 90%, у США — более 100, у Китая и Японии (вместе с внутренним долгом) — 200%. При этом Россия как международный должник всегда выполняла свои обязательства не просто в срок, а часто и досрочно, сопровождая досрочный возврат долга дополнительной премией — мало кто в мире это делает. Так что наше государство считается надежным партнером.

Увеличить наш долг, например, с 3 до 20 или 30% ВВП (что совершенно безопасно) вполне возможно, если делать это постепенно, год за годом, используя эти деньги в основном на возвратной основе и тем самым имея твердый источник оплаты долгов не за счет бюджетных средств. Раньше против этого возражали, исходя из большого внешнеэкономического долга всей России, который составлял более 730 млрд долл. Из него более 300 млрд долл. был долг государственных структур: «Газпрома», «Роснефти», госбанков и др. Так что во многом этот долг считался «квазигосударственным».

Сейчас положение иное. Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло»: из-за санкций при возврате долга наши предприятия и организации не могли перекредитоваться, и наш долг на глазах тает. С начала 2014 г. он сократился на 130 млрд, а в 2015 г. еще на 85 млрд, и на начало 2016 г. составил всего 515 млрд долл. Так как санкции продолжаются, он вскоре сократится еще миллиардов на 50. Поэтому ответственность государства за так называемый квазигосударственный долг сейчас значительно снизилась, и оно, не особенно рискуя, может принять на себя новый ограниченный долг.

Если сложить все упомянутые источники, то видно, что нам с избытком хватит средств на меры, которые мы прогнози-

руем вперед на 10–15 лет. Здесь нужно учесть также, что если мы перейдем к ежегодному увеличению инвестиций в основные фонды и в человеческий капитал по 8–10% в год, то начиная со второго, третьего года такого инвестирования экономическая активность существенно возрастет и начнется экономический рост. Если начать все это делать с 2017 г., то уже в 2018 г. мы можем рассчитывать на экономический рост в размере 1–2% в год, а в 2020 г. можем выйти на 3-процентный рост. В период до 2025 г. рост начнет увеличиваться и по осторожным прогнозам к 2025 г. составит не менее 5%.

Двухпроцентный рост в экономике в последующие годы даст нам более 1,5 трлн руб. А 4-процентный рост, например в 2022–2023 гг., даст уже 4 трлн руб. прироста дохода. Какая-то часть этих доходов может быть обращена, например, на развитие «экономики знаний», поскольку эта сфера — главный локомотив социально-экономического развития. К тому времени ее доля поднимется до 20% ВВП. Так что ее 10-процентный рост в год сам по себе ускорит рост нашей экономики на 2% в год. А с учетом мультипликативного эффекта даже на 3% в год.

Но все же большая часть прироста ВВП должна быть направлена на рост доходов и потребления населения, что увеличит платежеспособный спрос внутри страны и будет способствовать ускоренному развитию целой группы отраслей и их смежников. Ведь если будут строить вдвоевтрое больше жилья, даже при несколько сниженных ценах на жилье, у населения должны быть средства, чтобы его покупать. Мы хотим увеличить продажи автомобилей, но, чтобы их покупать, людям нужны деньги. Поэтому нам крайне важно увеличивать доходы населения. Сказанное относится и к увеличению потребления сельскохозяйственных продуктов, которое должно расти в соответствии со спросом на продовольствие и повышением качества питания россиян.

Нам нужно как можно быстрее, думаю, к началу 2020-х годов, восстановить потерянные в 2015–2016 гг. доходы населения. Для этого правительство должно проводить активную политику повышения минимальной зарплаты. Недавно, как известно, она была существенно повышена, хотя ее размер еще не достиг прожиточного минимума. Надо поставить задачу к 2018 г. увеличить минимальный размер зарплаты до прожиточного минимума. Затем в течение 3–5 лет, используя на эти цели определенную часть прироста ВВП, довести прожиточный минимум до 40% от средней заработной платы (до 15 тыс. руб. по сегодняшним условиям), тем самым резко подтянув заработки работающего населения, чтобы среди малообеспеченных и малоимущих резко уменьшить число семей, где есть работающие.

Одновременно нужно часть средств вкладывать в благосостояние малообеспеченных многодетных семей, существенно повысить пособия на детей, не взимать налоги с работающих кормильцев этих детей, ввести бесплатное школьное питание, прежде всего молочными продуктами. Таким образом мы повысим уровень жизни малообеспеченных, а затем и среднеобеспеченных семей. В 2020-е годы можно будет приступить к осуществлению крупных социальных реформ, постепенно ликвидируя отставание от развитых стран по уровню жизни. Надо перейти на накопительную пенсионную систему — и для того, чтобы создать самый эффективный фонд «длинных» денег, что крайне важно, и чтобы повысить размер пенсий с нынешних 30% от средней зарплаты хотя бы до 50–60%, то есть до уровня многих развивающихся стран. Ведь если по реальным доходам на душу населения Россия занимает примерно 50-е место в мире, то по уровню жизни пенсионеров — 97-е. Повышение уровня жизни пенсионеров, наиболее ущемленной с точки зрения обеспеченности группы населения, позволит еще больше сократить численность малообеспеченных.

Затем настанет очередь налоговой реформы. Надо освободить от налогов многодетные семьи, малообеспеченные семьи, резко подняв порог, с которого люди начинают платить налоги, сделать более плоскую шкалу налогообложения — начать, например, с 5-процентного налога на относительно низкие доходы. Это потребует дополнительных средств, так как с малообеспеченных много не возьмешь. Такие средства можно получить, если немного поднять налогообложение высокообеспеченных слоев общества. С доходов, вдвое превышающих средние, можно брать по 20% налога, а с еще более высоких доходов, в 3–4 раза превышающих средний доход, по 25–30% подоходного налога. При этом нужно вводить налоговые льготы, если получаемые средства используются на инвестиционные, благотворительные цели, на образование и лечение, освободить от налога выплаты процентов по ипотеке и т.д., то есть надо сделать то, что давно эффективно работает в передовых странах.

Затем наступит черед коренной жилищно-коммунальной реформы, когда надо будет перевести все жилищно-коммунальное хозяйство в частную собственность и перейти на рыночные цены за жилищно-коммунальные услуги, ввести налог на недвижимость в размере 1% от ее стоимости и обязательное страхование недвижимости. Это тоже приблизит реальный доход малоимущих к доходу богатых, поскольку богатые, потребляющие намного больше жилищно-коммунальных услуг, будут платить гораздо больше, чем малообеспеченные граждане.

В налоговой системе, на наш взгляд, нужно провести грань между налогообложением дорогих и относительно дешевых товаров и услуг, которыми пользуется все население, но преимущественно малообеспеченные и среднеобеспеченные граждане. На производство дешевых товаров и услуг должно распространяться льготное налогообложение. И, наоборот, предметы роскоши, включая элитную недвижимость, машины, дорогие магазины с эксклюзивными товарами, пятизвездочные отели и т.д., следует облагать повышенным налогом. Конечно, все это нужно делать в разумных пределах.

Высокооплачиваемые работники имеют больше возможностей увеличить свой доход, ибо у них есть сбережения, которыми они могут по-разному распорядиться, они получили отличное образование и, как правило, могут найти более выгодную работу. Это по большей части люди с предпринимательской жилкой, более активные, они нацелены на достижение более высоких целей, увлечены своей работой и т.д. Если этих людей обложить большим налогом, они его довольно легко компенсируют. Одновременно им надо дать то, в чем они нуждаются: узаконенную свободу, госзащиту частной собственности, обеспечить безопасность бизнеса и жизни.

Совершенно другие условия у пенсионеров. Их реальный доход за последние два года упал на 6–8%, и им ничем возместить эту потерю.

Поэтому нужно сокращать разрыв в уровне жизни богатых и бедных. Все перечисленные выше меры нацелены на это. Если сейчас разница между богатыми и бедными, по официальным данным, составляет 16–17 раз (средний душевой доход 10% зажиточных семей составляет около 65 тыс. руб. в месяц, а средний доход малообеспеченных семей — около 4 тыс. руб.), а по неофициальным, с учетом теневых и других доходов, она, по-видимому, намного больше, то в Западной Европе эта разница составляет 8–10 раз. В странах с социалистическим уклоном типа Швеции — 6 раз, в Японии — 5 раз. Нам к 2025 г. хорошо бы сократить разрыв между богатыми и бедными до 10 раз.

Мы уделяем столь пристальное внимание социальным вопросам, потому что экономический

рост рано или поздно обязательно упрется в социальные условия, если их вовремя не подтянуть до уровня экономического развития.

Вернемся к главному тезису о необходимости перехода к форсированным инвестициям в основные фонды и человеческий капитал. Чтобы это принесло наибольшую пользу, нужно создать не только социальные условия, о которых уже было сказано, но также экономические и административно-организационные условия. Сейчас форсированные инвестиции трудно осуществимы из-за высокой инфляции и как следствие высокой ключевой ставки Центрального банка. Одно связано с другим. Поэтому нужно одновременно поставить задачу радикального сокращения инфляции в стране до 2–3% в год и не менее радикального сокращения ключевой ставки тоже хотя бы до 3–4%.

Инфляция в России, как известно, во многом носит немонетарный характер и связана с монополизацией со стороны государственных монополий и олигархических структур. Само государство, принимая расточительные бюджеты, впрыскивает в народное хозяйство огромную сумму денег и поднимает инфляцию в совершенно неподходящее время. Обычно накануне кризисов, как ни странно, инфляция резко повышается, что противоестественно и крайне вредно для экономики. А инициатором выступает государство, которое первым централизованно повышает цены на электроэнергию, газ и на все остальное.

Целые ведомства живут и процветают за счет повышения цен. Поэтому попытка переложить на Центральный банк задачу снижения инфляции никогда не была и не будет успешной, ибо она зависит не от монетарной политики. Борьба Центрального банка с инфляцией приносит больше вреда, чем пользы, поскольку его метод сокращения ликвидности создает трудности в кредитовании народного хозяйства, повышает ключевую ставку, дороговизну денег, что, естественно, тянет экономику вниз.

Борьба Центрального банка с инфляцией приносит больше вреда, чем пользы, поскольку его метод сокращения ликвидности создает трудности в кредитовании народного хозяйства, повышает ключевую ставку, дороговизну денег, что, естественно, тянет экономику вниз.

Если мы хотим снизить инфляцию и ключевую ставку, то надо поручить это не Центральному банку, которому неподвластны ни бюджет, ни государственные монополии, ни тем более общегосударственные решения. Нужно создать на три года президентскую программу высшего уровня и поставить перед ней цель — снизить инфляцию и ключевую ставку ЦБ, а также сформулировать в связи с этим конкретные задачи для всех госструктур и, если это требуется, предусмотреть контрмеры для противодействия олигархическим структурам, пытающимся повышать цены и перекладывать свои трудности и огрехи на потребителей. Три года достаточный срок, чтобы кардинально снизить и инфляцию, и ключевую ставку.

Другим важнейшим условием успешного осуществления политики форсированных инвестиций является переход к стимулированию экономического роста. Основные стимулы для этого, на наш взгляд, довольно полно и четко изложены Президентом РФ В.В. Путиным в его выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в мае 2014 г. Речь идет о налоговых, таможенных, административных и других льготах при технологическом обновлении, о новом строительстве в высокотехнологических отраслях, импортозамещении, экспорте неэнергетической продукции, о широком использовании проектного финансирования в кредитовании и т.д.

Пожалуй, самое главное, с точки зрения создания условий для эффективных инвестиций, — это одновременные с возобновлением инвестиционной активности меры, нацеленные на институциональные преобразования (структурные реформы), связанные с устранением препятствий на пути экономического роста. Ведь как только вы начинаете какое-то крупное инвестиционное дело, сразу находится масса государственных и частных организаций, готовых обогащаться за счет выделенных крупных государственных средств.

Планируете строить дорогу вокруг Москвы — повышаются цена земли, переноса коммуникаций, цена сносимых сооружений, растет проектная стоимость, все выливается в такие цифры, что дело откладывается, а то и прекращается, хотя необходимость такой дороги давно назрела. Возьмем дорогу Москва — Петербург. Сколько раз ее строительство возобновля-

Надо коренным образом преобразовать отечественное здравоохранение — самую отстающую отрасль экономики России по международным рейтингам, — поднять его до западноевропейского уровня.

лось и прекращалось, сколько денег было потрачено, но пока построено мало.

Поэтому каждый раз, когда возникают эти и другие препятствия, сводящие на нет эффективность дела, делающие в принципе высокоэффективный проект убыточным — мы это неоднократно видели на примере проектов «Газпрома», — нужно проводить институциональные преобразования или структурные реформы, устраняющие препятствия, меняющие законы оценки, изымающие неиспользованные земли, владельцы которых приобрели их за бесценок, и т.д.

Из крупнейших трендов, которые должны быть охвачены институциональными преобразованиями или структурными реформами, отметим следующие.

1. Преодоление тренда на огосударствление экономики и расширение доли частной собственности в создании ВВП с 30% в настоящее время хотя бы до 50–55% к 2025 г.

2. Последовательный перевод все большего числа субъектов Федерации на самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление взамен самой худшей дотационной системы, которой охвачено до 90% субъектов Федерации. Половину из дотационных регионов можно было бы даже при сегодняшнем их территориально-административном делении сделать самоокупаемыми, а значит, придать им новый импульс социально-экономического развития. Другие дотационные пока регионы целесообразно перевести на нормативное регулирование, чтобы использование внутренних ресурсов не сокращало бы поступающие им дотации и не лишало их стремления добиваться успехов собственными силами. В дальнейшем, конечно, нужно будет думать об укрупнении регионов, совершенствовании нашего давно устаревшего административно-экономического деления, ничего общего не имеющего с реальной действительностью. Но это огромная и, увы, не ближайшая задача, хотя и одна из ключевых.

3. Нельзя быть большой страной, какой является Россия, не имея достаточных фондов «длинных» денег, и пытаться жить за счет иностранных вложений. Надо иметь собственные избыточные фонды «длинных» денег. Необходимо постепенно создавать новую финансовую инфраструктуру с крупными накопительными пенсионными фондами, крупными страховыми и медицинскими фондами, формируемыми в том числе за счет взносов населения.

Надо воссоздать большие страховые компании и в обязательном порядке страховать все источники опасности, как это принято в других странах. Следует перейти к льготному страхованию жизни, разными способами стимулируя людей страховать свою жизнь. Тем самым будет создан огромный накопительный фонд страхования — тоже источник крупных инвестиций.

Следовало бы также поднять паевые фонды, сделать их столь же крупными, какими являются *mutual funds* в развитых странах. На первых порах здесь нужны государственные гарантии, разного рода льготы, освобождение от налогов получаемых дивидендов, всяческое стимулирование инвестирования в паевые фонды, снижение рискованности и т.д.

Надо продолжить начавшееся в России несколько лет назад со слияния двух бирж реформирование фондового рынка, которое не было доведено до конца. Наш фондовый рынок является в значительной мере спекулятивным, он основан на «коротких» деньгах, большим количеством акций владеют иностранцы. Он не создает рынок капитала в стране, который фактически отсутствует, нет нормального перелива капитала из одной отрасли в другую, фондовый рынок не генерирует новых инвестиций, не способствует инновациям и т.д.

Надо его реформировать и развивать.

Следует также всемерно развивать банковскую систему, проведя приватизацию государственных банков и оставив государству 10–20-процентную долю во всех банковских активах, а никак не 50%. Ни ВТБ24, ни ВТБ в целом никаких государственных функций не выполняют и должны быть приватизированы. Сложнее со Сбербанком, но и здесь надо найти какое-то решение и провести разумную приватизацию — не олигархическую, когда банк принадлежит одному или нескольким лицам, а превратить созданные на его основе банки в паблик-компании, как это принято в банковской сфере на Западе.

При этом в банковской системе должна резко вырасти доля инвестиционного кредита, то есть «длинных» денег, а сама банковская система должна развиваться приоритетно по отношению к ВВП и доля банковских активов в ВВП должна постепенно вырасти в 1,5–2 раза — тогда Россия сравняется с Китаем по этому показателю.

4. Один из сложнейших вопросов, а также важный тренд в структурных преобразованиях — это создание в стране конкурентной среды, ликвидация монополизма, преодоление засилья олигархических структур в ряде отраслей. В связи с этим должна быть значительно усилена антимонопольная деятельность государства.

5. Реформирование сельского хозяйства, агропромышленного комплекса прежде всего потребует полной кадастровой оценки и сертификации земельных ресурсов и вовлечения этих ресурсов в финансово-экономический оборот. Всем желающим работать на земле необходимо предоставить такую возможность. На повестке дня изменение отношения к сельскому хозяйству, резкое повышение государственной поддержки по многим направлениям сельскохозяйственной политики.

6. Среди социальных проблем, которые еще не были затронуты, ключевая — увеличение ожидаемой продолжительности жизни в России с 71,6 года в настоящее время до 78 лет к 2025 г. и 83 лет к 2030 г. и сокращение смертности с 13 до 9 на 1000 человек населения, сокращение детской смертности в 1,5–2 раза до общеевропейского уровня. Такой сдвиг в здравоохранении позволит к 2025 г. поднять пенсионный возраст на 5 лет — до 60 лет у женщин и до 65 лет у мужчин — и примерно на 10 млн человек увеличить численность трудоспособного населения. Еще не менее 250 тыс. человек могут пополнить ряды трудоспособных, если сократить смертность в трудоспособном возрасте с 460 тыс. человек (как сегодня) хотя бы до 210 тыс. человек (по европейским меркам можно сократить до 130 тыс. человек). Это надолго решит проблему трудовых ресурсов России, которые, как известно, по естественным причинам (из-за изменения возрастной структуры) начали сокращаться.

Здесь нам предстоит трудная задача — не допустить новой депопуляции населения, которая может произойти из-за значительного сокращения рождаемости в связи с сокращением числа женщин в фертильном возрасте до 2030 г.

Чтобы достичь этих показателей, недостаточно просто улучшить жизнь людей. Надо коренным образом преобразовать отечественное здравоохранение — самую отстающую отрасль экономики России по международным рейтингам, — поднять его до западноевропейского уровня. Для этого потребуется удвоить финансирование здравоохранения и по линии госбюджета, и по линии ВВП, в том числе ввести медицинскую страховку за счет доходов населения, как в большинстве других стран.

При этом все предложения по использованию доходов населения на новые обязательные взносы на медицину, пенсии, налог на недвижимость, дополнительные расходы при введении рыночных цен на жилищно-коммунальные услуги, на наш взгляд, должны проводиться одновременно с соответствующим повышением заработной платы, пенсий и пособий с тем, чтобы реальные доходы подавляющей части населения не снижались.

Задач много, но все они обозримы, а главное решаемы. ЭС

ПЭС 16062 / 18.04.2016

Источник

1. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / Под ред. Я.М. Миркина. М.: Магистр, 2014. 496 с.